

ЛИСТОПАД

«Есть в осени первоначальной короткая, но дивная пора...» — подумал Фёдор Иванович и задумчиво замер, глядясь в панораму, открывающуюся ему из окна рейсового автобуса, мягко катившегося по трассе из Ачинска в Красноярск.

Почти от дороги к горизонту уходило поле, разделённое на две половины. Левая, распаханная, чернела цветом квадрата Казимира, правая — желтела стерней, будто сам Иван Иванович наметил поле, где должна была золотиться созревшая пшеница, но остановился в размышлении: заковышется ли она на ветерке или замрёт в штиле?

На дальнем краю поля, на фоне чистого голубого неба, врезаясь в горизонт, красно-оранжевым цветом пламенел осинник. Ни одно дерево не может сравниться в таком своём осеннем преображении. Все доступные глазу тона красного цвета даёт это незамысловатое дерево своими аккордами цветной рапсодии осеннего увядания.

Вот будто спорхнули с ветвей тысячи красных, оранжевых, пронзительно-карминных, алых бабочек и полетели на выдохе осени, плавно кружась и покрывая жёлтый жухлый ковёр травы свежими красками невиданного персидского ковра длиной в десятки метров.

Но вот ветерок внезапно стих, как будто вдыхая прозрачный воздух, готовясь к новому выдоху. Полёт осенних

нимф внезапно замедлился и прекратился. Кружение осиновых листиков в вальсе, как недолгий танец мотыльков-однодневок, исчезло. Они прожили свои мгновения и упали, оставив после себя эфемерные неповторимые образы где-то в глубине души наблюдателя.

Поворот дороги меняет пейзаж за окном мчащегося автобуса. Взору открылись тёмно-зелёные ели, стоящие вперемежку с отчаянно-жёлтыми тоже елями! Но жёлтых елей не бывает! Разумеется, не бывает, успокаивается разум, если, конечно, их не нарисовал, зайдя за пределы рубежа реальности, находясь в своём параллельном мире, Марк. Ели и пихты — всегда одним цветом, зимой и летом. Осенью желтеют, конечно, лиственницы. Пройдя осеннее перерождение, они перекрасили в золотистые и пронзительно-жёлтые тона свои высокие, стройные пирамиды фигур, красуясь на фоне вечной зелёной хвои родственников в недолгие отпущенные осенью дни. Однажды тонкие, почти невесомые иглы лиственниц в одночасье покинут ветви и покроют их подножия нежной паутиной позолоты.

Ещё один поворот — и взгляду открывается чудо золотого полёта, какой бывает только у белоствольных берёз, отдающих осени пышные почести. Под дуновением ветерка листья срываются со своих насиженных веточек, вспархивая стайкой вдруг пожелтевших то ли воробьёв, то ли невиданных в этих краях колибри, покружатся и осядут неровным слоем на потерявшую изумруд полёгшую траву.

Таков закон осени, обязывающий любую листву спуститься с вершин и лечь на землю, укрывая её от скорых холодов, которые каждую ночь всё настойчивей напоминают о себе.

Вдруг в поле зрения врывается облако зелени отдельно стоящей свободно разросшейся сосны, в иглах которой по прихоти ветерка или по воле случая застряли жёлтые, оранжевые и красно-бурые листочки, будто она начала примерять рождественско-новогодний наряд. Но это ненадолго: при первом же ветре они потеряют эти украшения и при первой же возможности удовольствуются белыми ватными облачками снега, которыми их одарит начальная зима.

Неподалёку взметнулись рябины, украшенные янтарно-оранжевыми гроздьями с уже побуревшими листьями. Ягоды клонят тонкие ветви к земле, кажется, что они вслед за листьями оторвутся и упадут на остывшую землю. Ещё немного — и рябина отряхнёт листочки, но останется ягода, которая будет рдеть зимой на белом фоне снегов, напоминая, каким цветом были окрашены листья осин в сентябре.

Иногда блеснут платиновой или серебряной нитью паутинки, какие бывают только тихим тёплым солнечным осенним днём. На таких паутинках летят путешественники-переселенцы паучки, коих мы не замечаем, но видим только блеск их ковра-самолёта из одной драгоценной ниточки. Ничто им не мешает лететь над землёй, пока не зацепится такая канитель за куст и прилипнет, щекоча лицо случайного путника, который сотрёт её и не заметит отметины осени.

Сколько ещё просуществует эта красота?

Дунет ночью холодный осенний злой ветер и за считанные минуты оборвёт, разбросает, смешает краски листьев, оголит ветви, придвинет серые облака к земле, спрячет солнце, и наступит «поздняя осень» Николая Алексеевича.

«Жаль, что нет со мной Исаака. Как он там живёт без осени?» — медленно проплыла мысль и улеглась, как листочек, на мягкий тёплый мох засыпающего разума под мерное урчание мотора автобуса.

ФАМИЛИЯ

— Владимир, так ты будешь менять фамилию-то?

— Нет.

— Ты лучше бы поменял. Мы-то тебя знаем, а другие-то знаешь как могут подумать? Ну, ты сам знаешь. Твои уже все поменяли.

— Это их дело.

— Давай решайся. Можем тебя обозвать Малининым, например!

— Да ну тебя. Малинкин уже есть же у нас. Путать будут.

— Ну вот ты мне объясни, Владимир, что за принцип у тебя?

— Например, имя у меня и так поменянное уже. Вот и хватит.

— Ну вот, теперь фамилия на очереди. А как тебя звали сначала?

— Файвель.

— Это что, как Файка, Фаина?! Это как женщину зовут? По-татарски, что ли? Забавно.

— Нет, не по-татарски это. Вот и переименовали меня Владимиром, чтобы не выделяться и не смешить народ. А фамилия осталась.

— И чем тебе так дорога твоя фамилия, что ты упёрся?

— Мы же ашкеназы, из Литвы сюда прибыли лет сто назад вместе с Юдалевичами и Ельевичами. Они купцами были, ну а мы нет. И фамилии они не меняли. Разъехались они, правда, потом, ну ты знаешь. Ну а мы тутошними остались. Фамилию мы решили не менять. Пусть остаётся. Мне не мешает. Бабушка рассказывала, что наша фамилия передаётся так давно, что даже её дед Моисей не помнит, когда она появилась. А ещё бабушка говорила, что все, кто носит эту фамилию, ведут род от самого Давида.

— Неужели от того самого?

— Да, от него, и Исус тоже, между прочим.

— Вот так история, Владимир. Не знал, не знал. Конечно, лучше оставить как есть. Я бы тоже не стал менять. Хоть и разнарядка на тебя пришла.

— Ну и договорились, председатель, ты Сидоркиным остаёшься, ну а я останусь Бурштейном. Кстати, моя фамилия переводится как огненный камень.